

БДТ «перезагрузил» свой музей

В прошлом году СМИ очень много писали о БДТ: об окончании реставрации, о переезде труппы в историческое здание, о юбилеях корифеев. На фоне этого незамеченным осталось событие, важное не только для БДТ, но и для театрального Петербурга в целом: в стенах этого театра возник совершенно новый музей.

Историческая ревизия

Музей был в Большом драматическом почти всегда — этот театр вообще отличался серьезным отношением к своей истории. Экспозиция открылась в 1924 году. То есть театру исполнилось всего 5 лет, а при нем уже был музей!

Но прежняя экспозиция — которую публика видела до закрытия театра на реставрацию в 2010 году — была совсем иной, хоть и располагалась в том же пространстве, что и нынешняя (на уровне первого яруса, в двух залах, соединенных крошечным помещением). Прежний музей производил впечатление случайности и архаичности, история БДТ была представлена с советских позиций. Театр имени Товстоногова возник как оплот психологического и реалистического искусства; а формалистических, эстетских, авангардных поисков 1920 — 1930-х годов его сцена словно и не ведала. Авторы нового музея, укладывая почти вековую историю БДТ в два с придатком зала, радикально переосмыслили ее, выстроив четкую композицию.

К такому выводу пришел корреспондент «ВП» после экскурсии, которую специально для него провела Надежда ХМЕЛЕВА — главный автор экспозиции, искусствовед, преподаватель Российской академии художеств и Санкт-Петербургской академии театрального искусства, автор книги-альбома «Художники БДТ», отмеченной Золотой медалью Российской академии художеств.

— В 2012 году мы с художником Михаилом Бархиным придумали новую концепцию исходя из особенностей притеатрального музея, — рассказала Надежда Петровна. — У посетителя такого музея совсем мало времени: ведь залы открыты только перед спектаклем и в антракте. А значит, история театра должна быть представлена осязаемо, образно, так, чтобы это цепляло зрителя. И мы решили структурировать экспонаты по спектаклям — наиболее ярким, этапным. Это же не Русский музей, мы не могли ограничиться задачей достоверности. Мы стремились воссоздать ауру спектакля всеми возможными способами.

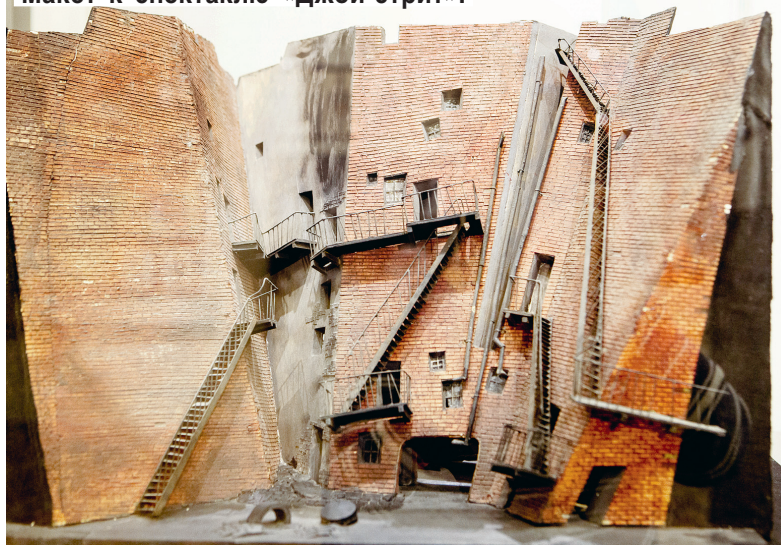
Для удобства разобьем рассказ о музее на три части — следуя архитектурному делению пространства.

Зал первый

Здесь представлен период от открытия театра спектаклем «Дон Карлос» (1919) до спектакля «На дне» (1944). Если о товстоноговском периоде широкий зритель имеет какое-то представление (хотя бы благодаря телесериалам «Мещане», «Ханума», «Энергичные люди», «История лошади»), то об этом отрезке истории известно в основном специалистам.

Как писали рецензенты 1920 — 1930-х, в постановках БДТ, как правило, доминирует художник. Неспроста сильное звено экспозиции в целом и первого зала в особенности — эскизы (в отличие, например, от театрального музея при Александринке, где упор сделан на костюмы и бутафорию). БДТ обладает колоссальной коллекцией работ художников высочайшего уровня. По словам историка театра Елены Струтинской, «она удивительным образом без потерь пережила страшное блокадное время, выдержала музейные чистки 1930 — 1950-х годов, когда из фондов изымались эскизы эмигрантов и «формалистов». Надо сказать, статус притеатральных музеев до сих пор не определен: они не относятся к Министерству культуры; и честь сотрудникам, хранившим эти эскизы в течение десятилетий. Доселе работы Бенуа, Добужинского, Петрова-Водкина, Кустодиева, Акимова, Самохвалова, Тышлера, Рындина хра-

Макет к спектаклю «Джой-стрит».

нились в папках в закрытом доступе, сегодня же они открыты для публики.

— Годы после революции были окрашены театроманией, — заметила Надежда Хмелева, — все живописцы хотели что-то сделать для театра. Петров-Водкин театром не увлекался, но посмотрите на его эскизы к неосуществленному «Борису Годунову»! Все эскизы, выставленные в первом зале, — подлинники. Дело в том, что до середины 1950-х художник, заключая договор по созданию спектакля, должен был все свои работы к этому спектаклю оставить театру. Потом художники (среди которых был, кстати, и Акимов) добились отмены этого правила и стали владельцами своих работ. Поэтому во втором, товстоноговском зале с эскизами сложно. Это репродукции, а подлинники —

либо в театральных музеях (нашем, петербургском, или Бахрушинском), либо в частных собраниях. Но есть во втором зале особые эскизы — Эдуарда Кочергина к «Тихому Дону». Когда мы готовили выставку, Эдуард Степанович, увидев их репродукции, взял карандаши и стал рисовать поверх типографской краски, добиваясь нужного цвета. Получается, это не подлинник, но уже и не репродукция.

Другое сильное звено музея — макеты. Подлинники 1920 — 1930-х не сохранились, выставленные макеты делались еще для прежнего музея. Но для новой экспозиции их подправил Вячеслав Михайлович Лебедев, бывший завпост БДТ.

Спектакли, представленные в первом зале, доказывают: в 1920 — 1930-е БДТ живо откликался на то, «куда дует ветер» искусства. Экспрессионизм, кон-

структивизм, супрематизм, стилизованный лубок, даже дадаизм — здесь очевидны признаки разных направлений. Таким решениям позавидует любой современный режиссер. Можно понять, почему, по словам Надежды Петровны, эскиз Моисея Левина к спектаклю 1932 года «Джой-стрит» всегда висел в кабинете Товстоногова и почему Андрей Могучий, заходя в музей, восхищается макетом к этому спектаклю. А как современная постановка 1924 года «Бунт машин» по пьесе Алексея Толстого — и по форме, и по содержанию! Этот спектакль, протестующий против глобальной механизации жизни, говорил о конфликте человека и машины; его героями были люди-роботы, произведенные из водорослей и поднявшие бунт против хозяев.

— В центре первого зала вы видите инсталляцию, посвященную «Королю Лиру» 1941 года, — продолжает Надежда Хмелева. — Когда я пришла отбирать костюмы для экспозиции, Татьяна Руданова, заведующая костюмерными, показала: «А вот у меня и «Король Лир» есть». Я не поверила своим ушам: «Таня, неужели 41-го года?» И оказалось — да, каким-то невероятным образом сохранились костюмы из легендарного спектакля Григория Козинцева, музыку к которому написал Дмитрий Шостакович, а художником был Натан Альтман. Мы выставили костюмы и бутафорию — двуручные мечи — на фоне распечатанного эскиза Альтмана, чтобы чувствовалась атмосфера спектакля.

Искусствовед Надежда Хмелева — главный автор экспозиции.

Щит с эскизами Петрова-Водкина.